

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Андрей **ГАНИН**,
кандидат исторических наук

ВРАЗДРОБЬ, ИЛИ ПОЧЕМУ КОЛЧАК НЕ ДОШЁЛ ДО ВОЛГИ?

В незабываемом 1919-м

Белое движение потерпело неудачу в первую очередь на фронтах Гражданской войны. Учёные до сих пор не могут дать однозначного ответа на вопрос о причинах поражения белых армий, между тем достаточно взглянуть на соотношение сил и средств сторон в период решающих операций Гражданской войны, и станет очевидным их кардинальное и всё возрастающее неравенство, не позволившее белым рассчитывать на успех. Помимо этого, наиболее серьёзными причинами неудачи белых были крупные просчёты в военном планировании и фатальная недооценка противника. Однако белые продолжали бороться и надеялись на победу, а значит, необходимо непредвзято оценить, были ли эти надежды хотя бы в какой-то степени обоснованными: могли ли белые в 1919 году победить на Восточном фронте?

Белогвардейский плакат, изображающий состав антибольшевистских сил. 1919 г.

«СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МАЛЬЧИКИ»

Казалось бы, кампанию 1919 года белый лагерь встретил значительно окрепшим. От красных была освобождена и удержана огромная территория Сибири и Северного Кавказа. Правда, белые не контролировали центр страны с наибольшей плотностью населения и наиболее развитой промышленностью, но готовились к наступлению, которое должно было решить участь Советской России. На юге всю полноту власти сумел сосредоточить в своих руках генерал Деникин, временно подавивший казачий сепаратизм, на востоке — адмирал Колчак. Летом 1919 года Деникин даже объявил о своём подчинении Колчаку, однако сделал это уже в тот период, когда колчаковский фронт трещал по швам и белые из Поволжья откатывались к Уралу.

Весеннее наступление колчаковских армий началось в марте 1919 года на фронте Западной армии, уже 13 марта белыми была взята Уфа, причём, по некоторым данным, в плен тогда едва не попал сам Лев Троцкий. На фронте правофланговой Сибирской армии 7 марта был взят Оханск, на следующий день — Оса. Наконец, 18 марта на левом фланге Восточного фронта началось одновременное наступление частей Южной группы Западной армии и Отдельной Оренбургской армии, которые к двадцатым числам апреля вышли на подступы к Оренбургу, но увязли в попытках овладеть городом. 5 апреля Западная армия заняла Стерлитамак, 7 апреля — Белебей, 10 апреля — Бугульму и 15 апреля — Бугуруслан. Сибирская и Западная армии нанесли тяжёлые удары по 2-й и 5-й армиям красных.

В этой ситуации важно было, не теряя соприкосновения с противником, энергично преследовать его, чтобы до вскрытия рек овладеть стратегически важными пунктами. Однако сделать это не удалось. Хотя конечной целью наступления являлось занятие Москвы, намеченный план взаимодействия армий при наступлении был сорван практически сразу, а плана действий за Волгой не существовало вовсе¹. При этом предполагалось, что основное сопротивление красные будут оказывать у Симбирска и Самары². Левый фланг Сибирской армии тормозил наступление на Сарапул, занятый лишь 10 апреля, 7 апреля был взят Воткинск, 13-го — Ижевск, а затем войска двинулись на Вятку и Котлас. Между тем 10 апреля из состава 1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской армий была создана Южная группа Восточного фронта Красной армии под командованием М. В. Фрунзе, которая с 28 апреля перешла в контр наступление, лишившее Колчака шансов на победу. Уже 4 мая красные взя-

Генерал-лейтенант В. В. Голицын.

ли Бугуруслан и Чистополь, 13 мая — Бугульму, 17 мая — Белебей, 26 мая — Елабугу, 2 июня — Сарапул, 7-го — Ижевск.

20 мая в наступление на Вятку перешла Северная группа Сибирской армии, занявшая 2 июня Глазов, но этот успех носил лишь частный характер и не сказался на положении фронта и прежде всего начавшей отступление Западной армии. 9 июня белыми оставлена Уфа, 11 июня — Воткинск, а 13-го — Глазов, поскольку его удержание уже не имело смысла. Вскоре белые утратили практически всю территорию, которой овладели в период наступления, и откатились за Урал, а затем были вынуждены отступать в суровых условиях по Сибири и Туркестану, претерпевая чудовищные лишения, на которые их обрекла недалёковидность собственного руководства.

Важнейшими среди причин поражения стали проблемы высшего военного управления и стратегического планирования. Не следует забывать, что у истоков каждого решения стоял офицер Генерального штаба, обладавший индивидуальным теоретическим и практическим опытом, своими сильными и слабыми чертами. Наиболее одиозной в белом лагере в этом контексте представляется фигура Генерального штаба генерал-майора Дмитрия Антоновича Лебедева — начальника штаба Ставки Колчака.

Многие мемуаристы и исследователи называют Лебедева основным виновником неудачи наступления армий Колчака на Москву весной 1919 года. Но на самом деле вряд ли один человек, даже самый бесталанный, может быть виновен в провале такого масштабного движения. Представляется, что Лебедев в общественном

сознании стал «козлом отпущения» и был обвинён и в тех ошибках и неудачах, за которые ответственен не был. Чего стоит наивность и недалёковидность других колчаковских полководцев и самого Верховного правителя! Атаман Дутов, к примеру, в обстановке эйфории от успехов весеннего наступления заявлял журналистам, что в августе белые будут уже в Москве³, но к этому времени они оказались отброшены в Западную Сибирь...

Однажды в разговоре с генералом Иностранцевым Колчак заявил: «Вы скоро сами убедитесь, как мы бедны людьми, почему нам и приходится терпеть даже на высоких постах, не исключая и постов министров, людей, далеко не соответствующих занимаемым ими местам, но — это потому, что их заменить некем»⁴. Восточному фронту белых вообще не везло с руководителями. По сравнению с югом здесь всегда существовала нехватка кадровых офицеров и выпускников академий. По мнению генерала Щепихина, «кumu непостижимо, удивлению подобно, до чего долготерпелив наш страстотерпец рядовой офицер и солдат. Каких только опытов с ним не производили, какие при его пассивном участии кунштуки не выкидывали наши «стратегические мальчики», — Костя (Сахаров) и Митька (Лебедев) — а чаша терпения всё ещё не переполнилась»⁵.

По-настоящему талантливых и опытных военачальников и штабистов у белых на Восточном фронте было крайне мало. Наиболее яркие имена можно перечислить буквально по пальцам: генералы В. Г. Болдырев, В. О. Каппель, С. Н. Войцеховский, М. К. Дитерихс, С. А. Щепихин, А. Н. Пепеляев, И. Г. Акулинин, В. М. Молчанов. Вот, пожалуй, весь список тех, кого можно было бы сходу отнести именно к талантливым военным деятелям высшего звена. Но даже эти более чем скромные кадровые ресурсы использовались белым командованием крайне нерационально. Например, приход к власти Колчака лишил белых такого талантливого военного руководителя, как прежний главнокомандующий генерал-лейтенант Болдырев. Именно о нём советский главнокомандующий И. И. Вацетис написал в своих мемуарах: «С появлением ген. Болдырева на горизонте Сибири мы должны были считаться особо»⁶. Дитерихс от решения военных вопросов долгое время был фактически отстранён и всю первую половину 1919 года по поручению адмирала Колчака занимался расследованием убийства царской семьи, что вполне могло быть поручено гражданскому чиновнику. Каппель с января по начало мая 1919 года также не участвовал в боевых операциях, занимаясь формированием своего корпуса в тылу.

Командующие всех трёх основных армий Колчака были подобраны крайне неудачно. Во главе Сибирской армии был поставлен 28-летний плохо управляемый авантюрист Р. Гайда с кругозором австрийского фельдшера, более других способствовавший своими действиями срыву весеннего наступления. Западную армию возглавлял генерал М. В. Ханжин — опытный офицер, но артиллерист по специальности, при том что командарм должен был решать отнюдь не узко технические вопросы артиллерийского дела. Командующий Отдельной Оренбургской армией атаман А. И. Дутов был скорее политиком, чем полководцем, поэтому значительную часть времени в первой половине 1919 года его замещал начальник штаба генерал А. Н. Вагин. На другие руководящие должности в казачьих частях выдвигались почти исключительно казаки по происхождению, иногда вопреки профессиональной пригодности кандидата. Сам адмирал Колчак был флотским человеком и плохо разбирался в сухопутной тактике и стратегии, вследствие чего в своих решениях был вынужден полагаться на собственный штаб во главе с Лебедевым.

Однако какими бы талантами ни обладали военачальники, без войск они ничего сделать не могут. А войск у Колчака не было. По крайней мере, в сравнении с красными. Законы военного искусства

непреложны и говорят о необходимости, как минимум, трехкратного превосходства над противником для успешного ведения наступления. При несоблюдении этого условия и отсутствии резервов для развита успеха операция приведёт лишь к напрасной гибели людей, что и произошло весной–летом 1919 года. К началу наступления белые обладали лишь двойным превосходством в силах, причём учитывая нестроевых, а не только боевой состав. Реальное соотношение, скорее всего, было для них ещё менее выигранным.

К 15 апреля в наносившей главный удар Западной армии было лишь 2686 офицеров, 36 863 штыка, 9242 сабли, 12 547 человек в командах и 4337 артиллеристов — всего 63 039 офицеров и нижних чинов⁷. В Сибирской армии к 23 июня числилось 56 649 штыков и 3980 сабель, всего 60 629 бойцов⁸. В Отдельной Оренбургской армии к 29 марта имелось только 3185 штыков и 8443 шашки, всего 11 628 бойцов⁹. Последняя насчитывала в своих рядах почти в шесть раз меньше войск (в том числе за счёт передачи всех наиболее ценных в боевом отношении неказачьих частей в Западную армию), чем соседи, командование которых позволяло себе ещё и систематические издёвки над

оренбуржцами. Численность Отдельной Уральской армии, по разведке красных, летом составляла около 13 700 штыков и шашек. Всего же в весеннем наступлении приняло участие не менее 135 тысяч солдат и офицеров колчаковских армий (без учёта уральцев, действовавших фактически автономно).

Когда большевистское руководство обратило внимание на угрозу с востока, на фронт были направлены подкрепления, сравнявшие соотношение сил уже к началу мая. Белым же выставить на усиление измотанных частей было нечего, и их наступление быстро выдохлось. Не случайно Пепеляев, командовавший в период наступления Северной группой Сибирской армии, 21 июня 1919 года писал своему начальнику Гайде: «Ставка легкомысленно пустила на убой десятки тысяч людей»¹⁰. Вопиющие ошибки и дезорганизация в управлении войсками были очевидны даже простым офицерам и солдатам и подрывали их веру в командование¹¹. Это и не удивительно, если учесть, что даже не во всех корпусных штабах было известно о замысле предстоявшего наступления.

УДАР РАСТОПЫРЕННЫМИ ПАЛЬЦАМИ

Помимо неподготовленной армии, командование не имело продуманного плана

Команда бронепоезда «Сибиряк» на отдыхе.

операции, а само стратегическое планирование находилось на младенческом уровне. Чего стоит фарс совещания командующих армиями, их начальников штабов и адмирала Колчака 11 февраля 1919 года в Челябинске, когда решался принципиальный вопрос о наступлении! Не приехавший на совещание Лебедев давно уже принял свой собственный план, который адмирал должен был заставить принять всех командующих армиями, те же имели свои планы действий и руководствовались ими без должной координации с соседями¹². Когда же на фронте Западной армии начались неудачи, Гайда вместо оказания немедленной поддержки открыто радовался неудаче своего соседа слева¹³. Очень скоро красные перебросили часть освободившихся при разгроме армии Ханжина войск против Гайды, который повторил печальную судьбу осмеянного.

До сих пор до конца не ясен вопрос о направлении главного удара белых. Весной 1919 года он мог быть нанесён в двух направлениях: 1) Казань — Вятка — Котлас на соединение с войсками Северного фронта генерала Е. К. Миллера и союзниками и 2) Самара (Саратов) — Царицын на соединение с войсками Деникина. Концентрация значительных сил в Западной

армии и оперативная переписка¹⁴, а также простейшая логика свидетельствуют в пользу главного удара в центре фронта — вдоль линии Самаро-Златоустовской железной дороги на наиболее перспективном уфимском направлении, позволявшем кратчайшим путём выйти на соединение с Деникиным¹⁵. Однако сконцентрировать все силы в Западной армии и скоординировать наступление с соседними армейскими объединениями не удалось¹⁶. Правофланговая Сибирская армия была почти столь же мощной по своему составу, как и Западная, а её действия в значительной степени были связаны именно с северным направлением наступления на Архангельск. Странником этого пути был сам командарм Гайда, не скрывавший своих взглядов на этот счёт даже от гражданских¹⁷. Белые военачальники вспоминали, что из Сибирской армии всегда можно было взять одну — две дивизии¹⁸, а попытки Гайды вместо поддержки соседа слева, ударами на Сарапул и Казань, действовать самостоятельно в северном направлении были серьёзной стратегической ошибкой,

Е. Н. Тихменев. Бой с колчаковцами на реке Салмыш. Копия Г. Барабаша. Орский историко-краеведческий музей.

сказавшейся на итогах операции. На этот промах противника обратил внимание в своих неопубликованных мемуарах и советский главком Вацетис¹⁹.

Не случайно ещё 14 февраля, до начала наступления, Деникин писал Колчаку: «Жаль, что главные силы сибирских войск, по-видимому, направлены на север. Соединённая операция на Саратов дала бы огромные преимущества: освобождение Уральской и Оренбургской областей, изоляцию Астрахани и Туркестана. И главное — возможность прямой, непосредственной связи Востока и Юга, которая привела бы к полному объединению всех здоровых сил России и к государственной работе в общерусском масштабе»²⁰.

Белые стратеги подробно расписывали преимущества именно южного варианта, отмечая важность создания общего фронта с Деникиным, освобождения казачьих областей и других территорий с антибольшевистски настроенным населением (немецкие колонисты, поволжские крестьяне), захвата зерновых районов и районов угле- и нефтедобычи, а также Волги, позволявшей осуществлять транспортировку этих ресурсов²¹.

Конечно, при этом неизбежно растягивались коммуникации Колчака, что до

соединения с Деникиным могло привести к неудаче, но армия выходила в более развитый район, обладавший более густой железнодорожной сетью, к тому же сокращался фронт и высвобождались резервы. Впрочем, до координации с югом дело так и не дошло, поскольку наступления двух белых фронтов развивались в противофазе. Крупные успехи Деникина начались уже после того, как колчаковское наступление захлебнулось. Вацетис вспоминал: «Предметом действий для всех контрреволюционных фронтов являлась Москва, куда все они устремились разными способами. Был ли общий план действий у Колчака, Деникина, Миллера? Едва ли. Мы знаем, что проект общего плана был выдвинут Деникиным и Колчаком, но он не выполнялся ни тем, ни другим, каждый действовал по-своему»²².

Если же говорить о выборе между «северным» и «южным» вариантами, то наиболее близко к действительности высказывание Генерального штаба генерал-лейтенанта Д. В. Филатьева, позднее служившего в Ставке Колчака: «Был ещё один, третий вариант, кроме двух указанных: двинуться одновременно и на Вятку, и на Самару. Он приводил к эксцентрическому движению армий, действиям враздρόбь и к оголению фронта в промежутке между армиями. Такой образ действий мог бы позволить себе полководец, уверенный в самом себе и в своих войсках и располагающий превосходством сил, стратегическим резервом и широко развитую сеть железных дорог для переброски войск по фронту и в глубину. При этом одно из направлений выбирается как главное, а прочие — суть демонстрации для введения противника в заблуждение. Ни одного из перечисленных условий налицо в Сибирской армии не было, исключая уверенность в себе полководца, поэтому такой вариант должен был быть отброшен без обсуждения, как ведущий неумолимо к полному неукладу. Между тем, он именно и был избран для сокрушения большевиков, что и привело Сибирские армии в конечном результате к краху. Положение большевиков весной 1919 года было таково, что только чудо могло спасти их. Оно и случилось в виде принятия в Сибири самого абсурдного плана для действий»²³. Фактически из-за ошибочного решения Ставки белое наступление, и без того слабо подготовленное и малочисленное, превратилось в удар растопыренными пальцами. Не получилось не только координации с Деникиным, но даже и эффективного взаимодействия между самими колчаковскими армиями.

На это ещё в первые дни наступления обращал внимание Ставка Ханжин, кото-

рый телеграфировал 2 марта в Омск: «Западная армия, наносящая главный удар, вправе рассчитывать не только на полную связь с её действиями операций соседних армий, но и на полную поддержку с их стороны, даже поступаясь частными интересами этих армий в пользу главного удара... Сибирская армия составила свой план действий и вчера перешла к его выполнению, не заняв указанного ей исходного положения — до сих пор левофланговый участок этой армии от железной дороги Сарапул — Красноуфимск до разграничительной линии с Западной армией не занят войсками Сибирской армии, и этот разрыв фронта я должен прикрывать полтора полками моего Уфимского корпуса, отвлекая эти силы на неопределённое время от выполнения поставленной корпусу задачи.

Оренбургская армия находится в том же состоянии полного разложения казачьих частей, как было под Оренбургом; разложение грозит перейти и на приданные этой армии пехотные части... Ясно, что такая армия не только не выполнит возложенной на неё общей директивой Ставки задачи, она не только не способна [к] наступлению, но у неё даже нет сил удержать фронт и остановить стихийный отход и обнажение фланга и тыла ударной армии...»²⁴

Начальник штаба Ханжина генерал Щепихин писал об Оренбургской армии, что, «по существу, Дутов со своей псевдо-армией — мыльный пузырь и левый фланг Западной армии на весу»²⁵. Но намного ли лучшим было положение в самой Западной армии, где служил Щепихин? На самом деле эта армия, несмотря на стягивание в неё всевозможных пополнений, испытывала общие для всех трёх белых армий проблемы.

4 августа 1919 года помощник начальника штаба Ставки Генштаба генерал-лейтенант А. П. Будберг записал в своём дневнике: «Сейчас наше положение много хуже того, что было год тому назад, ибо свою армию мы уже ликвидировали, а против нас вместо прошлогодних совдепов и винегрета из красноармейской рвани наступает регулярная красная армия, не желающая, — вопреки всем донесениям нашей разведки, — разваливаться; напротив того, она гонит нас на восток, а мы потеряли способности сопротивляться и почти без боя катимся и катимся»²⁶.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ БЕЛАЯ АРМИЯ

Состав колчаковских войск оставлял желать много лучшего. Катастрофичной была ситуация не только с высшим командным

составом и военными талантами. На среднем и младшем уровне остро не хватало офицеров. Кадровые офицеры вообще были редкостью. В 63-тысячной Западной армии к середине апреля было лишь 138 кадровых офицеров и 2548 офицеров военного времени²⁷. По некоторым данным, к началу 1919 года некомплект офицеров у Колчака достигал 10 тысяч человек²⁸. Тыл же, наоборот, был полон офицерами. Не способствовало исправлению ситуации и суровое отношение к бывшим офицерам, ранее служившим у красных и попавшим в белый плен.

1917 год разложил как солдата, так и офицера. В годы Гражданской войны в офицерской среде стала проявляться непочтительность к старшим, распространились карточная игра и другие развлечения, пьянство (возможно, вследствие безысходности) и даже мародёрство. К примеру, в приказе по Восточному фронту № 85 от 8 сентября 1919 года говорилось, что командир 6-го Оренбургского казачьего полка войсковой старшина А. А. Избышев «за уклонение от боевых операций и непрерывное пьянство» разжалован в рядовые²⁹.

На белом Востоке практически не было ни одного начальника дивизии, командира корпуса, командующего армией (например, Гайда, Пелеляев, Дутов), не говоря уже об атаманах, которые бы в условиях Гражданской войны не совершали дисциплинарных проступков. Старшие начальники подавали дурной пример всем остальным. Абсолютного значения приказа не существовало. По сути, любой сколько-нибудь значимый воинский начальник в новых условиях являлся своеобразным атаманом. Интересы своей части, отряда, дивизии, корпуса, армии, войска ставились выше приказов сверху, которые исполнялись лишь по мере необходимости. Такой «атаман» для своих подчинённых был и царь и бог. За ним они готовы были пойти куда угодно. Как отмечал современник, «в условиях Гражданской войны нет «устойчивости частей», а всё зиждется лишь на «устойчивости отдельных вожаков»³⁰. Воинская дисциплина, равно как и взаимодействие, отсутствовали как таковые.

Совершенно иначе дисциплина была поставлена у красных. Возлагая вину за революцию и Гражданскую войну на большевиков, мы не должны забывать о том, что проигравшая сторона не в меньшей, а может быть, даже и в большей степени ответственна за все последствия этого.

Полная дезорганизация собственного военного управления и впечатляющие успехи противника приводили к утрате в рядах белых веры в победу. Наиболее ярко разочарование можно проследить по высказы-

ваниям командного состава. Состоявший в распоряжении войскового штаба Оренбургского казачьего войска генерал-майор Л. Н. Доможиров, выступая весной 1919-го на станичном сходе в станице Кизильской, говорил казакам о бесцельности борьбы с красными³¹. «Я чувствую, что у меня подрывается вера в успех нашего святого дела»³², — отметил в начале мая генерал Р. К. Бангерский. Командир II Оренбургского казачьего корпуса Генерального штаба генерал-майор И. Г. Акулинин в рапорте командующему армией от 25 апреля прямо писал об отсутствии «особенно сердечного отношения со стороны «родных станичников» к казачьим частям»³³. 2 мая, когда поражение Колчака было ещё не очевидным, командарм Ханжин наложил на один из документов резолюцию: «Нашей коннице надо брать пример с красноармейской»³⁴. Подобные признания генералов дорогого стоят.

Колчаковская армия страдала неправильным распределением сил и средств по фронту: она испытывала острую нехватку пехотных частей на казачьих фронтах (что, например, сделало невозможным взятие такого важного центра, как Оренбург, силами одной лишь конницы) и при этом недостаток конницы на фронтах неказачьих. Только централизованное управление могло привести белых к победе, однако казачьи регионы так и остались автономными, а казачьи атаманы продолжили проводить собственную политическую линию. Помимо тактических и стратегических проблем это добавляло и морально-психологические неудобства. Солдаты и казаки, сражаясь на своих родных землях, испытывали сильный соблазн при первой же возмож-

ности разойтись по домам или перейти к противнику, если родная станица или село оказались за линией фронта (кстати, большевики понимали это и старались подобного не допускать).

После освобождения от красных Ижевского и Воткинского заводов домой захотели даже легендарные ижевцы и воткинцы — единственные в своём роде белые части из рабочих. В период самых тяжёлых боёв конца апреля, когда решалась судьба Белого дела на востоке, большинство этих «героев» борьбы с большевиками просто разошлись по домам (надо сказать, что ранее «вернуться к своим семьям» им непредусмотрительно обещал сам Ханжин). К маю в Ижевской бригаде осталось только 452 штыка из прежнего состава, прибывшие пополнения оказались плохо обученными и сдавались в плен³⁵. 10 мая Гайде пришлось распустить по домам бойцов Воткинской дивизии³⁶.

Казаки вообще не хотели выходить за пределы своей территории, ставя местные интересы выше. Как показала практика, казачество могло лишь выделить часть своих сил для общегосударственной борьбы против красных, а также предоставить свою территорию в качестве базы для Белого движения. До создания массовой Красной армии такая особенность казачества давала белым неоспоримое преимущество перед противником. Однако отсутствие у белых эффективного репрессивного аппарата не позволило вождям Белого движения быстро сформировать массовые армии (при помощи террора) и в конечном итоге обрекло их на поражение.

Мобилизованные Колчаком силы были неоднородны по своему составу. Во многом справедлива оценка Вацетиса: «У Колчака получился фронт довольно неоднородный, как по своей политической ориентации, так и по линии общественной группировки. Правый фланг — армия ген. Гайды состояла, преимущественно, из сибирской демократии, сторонников сибирской автономии. Центр — Уфимский фронт слагался из кулацко-капиталистических элементов и по политической линии держался великороссийско-казацкого направления. Левый фланг — казачества Оренбургской и Уральской Областей объявили себя конституционалистами.

Так было на фронте. Что же касается тыла от Урала до Байкала, то там сгруппировались остатки левого крыла бывшего чехо-русского военного блока: чехово-русского военного блока: чехово-русского и эсеры, открывшие враждебные действия против диктатуры Верховного правления адмирала Колчака»³⁷. Разумеется, при столь разнородном составе

Колчаковцы во время отступления в октябре 1919 г.

боевой дух колчаковских войск остав- лял желать много лучшего.

Щепихин, Пепеляев и другие отме- чали безразличие населения к делу возрождения России, которое влияло и на моральный дух войск. По мнению Пепеляева, «настала такая минута, когда не знаешь, что будет завтра, не будут ли части сдаваться в плен целиком. Должен быть какой-то перелом, новый взрыв патриотизма, без которого мы все погиб- нем»³⁸. Но чуда не случилось.

«ДО САМОГО ОМСКА ХОТЬ ШАРОМ ПОКАТИ»

Боевой дух войск зависит и от того, име- ются ли в наличии резервы, позволяю- щие сменять части на передовой и давать солдатам отдых; зависит он и от того, как солдат одет, обут, накормлен и обеспечен всем необходимым.

Проблема наличия резервов была од- ной из наиболее болезненных для белых. Фактически наступление Колчака, равно как и Деникина, началось и развивалось при почти полном отсутствии каких-либо резервов, что не могло не привести к ка- тастрофе. Расчёты белых стратегов осно- вывались, видимо, на постепенном сжати кольца вокруг Советской России и сокра- щении за счёт этого собственной линии фронта. При этом освобождались новые территории, на которых было возможно мобилизовать пополнения, и высвобож- дались собственные войска. Однако для начала необходимо было хотя бы выйти на линию Волги и закрепиться на ней, че- го колчаковцам сделать так и не удалось. Операция началась в канун весенней распутицы, и очень скоро малочислен- ные части белых оказались на несколько недель оторваны от своих тылов (это про- изошло как в Западной, так и в Отдельной Оренбургской армиях), не налаженных и ранее, а теперь вообще отсутствовавших.

Фрунзе справедливо полагал, что распутица должна будет стать союзни- ком красных³⁹. И действительно, в ре- зультате разлива рек не могли двигаться вперёд не только артиллерия и обозы, но даже пехота, которая поначалу была вынуждена пользоваться «утренника- ми» (утренними морозами), а с потепле- нием были случаи, когда всадники тону- ли вместе с лошадьми. Части корпусов вследствие разлива рек разъединились, не могли действовать скоординирован- но, теряли связь между собой.

Если красные отступали на свою базу, где могли быстро оправиться, то войска белых, на всех парах мчавшиеся к Волге, чтобы опередить распутицу, в самый от- ветственный момент оказались лишены продовольствия, одежды, боеприпасов,

Колчаковцы в очереди за получением пищи.

артиллерии и сильнейшим образом пе- реутомлены. Такая ситуация, к примеру, сложилась в апреле 1919 года в Западной армии⁴⁰. Генерал Н. Т. Сукин запрашивал командование о том, как ему поступить — продолжать наступление на Бузулук и пожертвовать пехотой или же переждать распутицу, подтянуть обозы и артилле- рию и привести войска в порядок⁴¹. По мнению Сукина, «выходить... на Волгу слабыми силами, слабыми, поредевшими частями — это равносильно провалу все- го дела»⁴². В действительности дело про- валилось задолго до выхода к Волге.

Опередить наступление распутицы не удалось, и белые увязли. Остановка же в условиях маневренной Гражданской войны почти всегда была предвестником отступления и поражения. «Остановка — это гибель в гражданской войне»⁴³, — писал генерал Щепихин. Красные, пользуясь временной передышкой, подтянули резер- вы, взяли инициативу в свои руки, пере- брасывали подкрепления на угрожаемые участки и тем самым не позволяли белым достичь где-либо решающей победы. Белые же так и не получили столь необхо- димых им резервов. Именно распутица позволила красным оправиться и нанести силами Южной группы Восточного фронта контрудар из района Бузулук — Сорочин- ская — Михайловское (Шарлык). Готовив- шийся удар красных, хотя о нём и стало за- ранее известно⁴⁴, было нечем парировать (аналогичная ситуация осенью 1919-го произошла и у Деникина). Белые даже не смогли дойти до Бузулука, который пред- писывалось взять до 26 апреля и перехватить Ташкентскую железную дорогу, чтобы

блокировать связь Оренбурга с советским центром. Из-за отсутствия точных развед- данных непонятно было, куда двинуть Юж- ную группу Западной армии — кулаком на Оренбург или на Бузулук или же держать её между этими пунктами⁴⁵. В итоге был выбран третий, провальный вариант.

Пепеляев писал о Сибирской армии: «Полки тают и нечем их пополнить... При- ходится мобилизовать население занима- емых местностей, действовать независимо от какого-либо общего государственного плана, рискуя получить за свою работу кличку «атаманство». Приходится созда- вать импровизированные кадровые части, ослабляя части боевые»⁴⁶.

Щепихин отмечал, что за фронтом За- падной армии никаких резервов не было: «...далее на восток до самого Омска хоть шаром покати, — ни одного полка и мало вероятности получить что-либо в ближай- шие месяцы»⁴⁷. Между тем наступление истощило части. В одном из лучших пол- ков 5-го Стерлитамакского армейского корпуса, Белорецком, к началу мая оста- лось до 200 штыков⁴⁸. В полках 6-го Ураль- ского корпуса к середине апреля насчиты- валось по 400–800 штыков, из которых до половины не могло действовать из-за от- сутствия сапог, часть надела лапти, одеж- ды не было даже для пополнений⁴⁹. Ещё хуже ситуация была у уральских казаков, в полках которых насчитывалось по 200 человек, существовало выборное начало и крайне слабая дисциплина⁵⁰.

Будберг уже 2 мая отметил в своём днев- нике, что наступление белых захлебнулось, а фронт прорван красными в очень опасном месте: «Я считаю положение очень тревож- ным; для меня ясно, что войска вымотались и растрепались за время непрерывного

наступления — полёта к Волге, потеряли устойчивость и способность упорного сопротивления (вообще очень слабую в импровизированных войсках)... Переход красных к активным действиям очень неприятен, так как готовых и боеспособных резервов у Ставки нет... Плана действий у Ставки нет; летели к Волге, ждали занятия Казани, Самары и Царицына, а о том, что надо будет делать на случай иных перспектив, не думали... Не было красных — гнались за ними; появились красные — начинаем отмахиваться от них как от докучливой мухи, совсем так же, как отмахивались от не-

к противнику (в частности, 10-й Бугульминский полк перешёл практически в полном составе, случаи переходов имели место и в других полках), а оставшаяся часть была использована для затыкания дыр на фронте одной лишь Западной армии. По данным английской военной миссии, из корпуса Каппеля к красным перешло около 10 тысяч человек⁵³, хотя эта цифра кажется сильно завышенной. Ещё один резерв — Сводно-казачий корпус — также большой роли в операции не сыграл.

В составе Сибирской армии в качестве

Колчаковские пулемётчики с пулемётами разных систем. Слева направо: «максимы», «кольты» и один «люис».

мцев в 1914–1917 годах... Фронт страшно, непомерно растянут, войска выдохлись, резервов нет, а войска и их начальники тактически очень плохо подготовлены, умеют только драться и преследовать, к маневрированию неспособны... Жестокие условия Гражданской войны делают войска чувствительными к обходам и окружению, ибо за этим стоят муки и позорная смерть от красных зверей. Красные по военной части тоже безграмотны; их планы очень наивны и сразу видны... Но у них есть планы, а у нас таковых нет...»⁵¹

Передача стратегического резерва Ставки — 1-го Волжского корпуса Каппеля — в Западную армию и введение его в бой по частям оказались серьёзным просчётом командования. В составе Отдельной Оренбургской армии корпус Каппеля мог бы изменить обстановку⁵², но армия Дутова в решающий момент оказалась действиями Ставки представлена своей собственной участии. При этом корпус Каппеля был направлен на фронт в сыром виде, частично перешёл

резерва находился сформированный с февраля–марта 1919 года Сводный Ударный Сибирский корпус. Корпус был введён в бой 27 мая, чтобы прикрыть образовавшийся разрыв между Западной и Сибирской армиями, но буквально за два дня боевых действий лишился половины своего состава, прежде всего за счёт сдавшихся в плен, и в дальнейших боях никак себя не проявил. Причины неудачи корпуса одновременно очевидны и невероятны: войска были направлены в бой без сколачивания и надлежащей подготовки, большинство полковых, батальонных и ротных командиров получили свои назначения лишь накануне или во время выдвижения корпуса на фронт, а начальники дивизий — уже даже после разгрома корпуса. Соединение было направлено на передовую без телефонов, полевых кухонь, обоза и даже не полностью вооружённым⁵⁴. Других крупных резервов в армии Гайды не было.

СКИФЫ XX ВЕКА

Почему же даже такие скромные пополнения белые не обеспечили всем необходимым? Дело в том, что вопросы материального обеспечения стали самым узким местом колчаковской военной машины. Через всю Сибирь проходила единственная Транссибирская железнодорожная магистраль, от пропускной способности которой во многом зависела судьба наступления. Надо сказать, что железная дорога в 1919 году работала из рук вон плохо и снабжение отличалось крайней нерегулярностью. В результате войскам приходилось возить всё необходимое с собой, а в крайнем случае переходить на самоснабжение, граничившее с мародёрством, озлоблявшее местное население и разлагавшее войска. Особенно трудно было в тех районах, где железная дорога отсутствовала и необходимо было обеспечивать подвоз гужевым транспортом. Это касалось всего левого фланга белых.

Заметим, что знаменитые по фильму «Чапаев» «психические» атаки белых без единого выстрела предпринимались вовсе не от хорошей жизни и не для того только, чтобы произвести впечатление на противника. Одной из основных причин подобных действий было отсутствие у белых боеприпасов, мало относившееся к психологии. Генерал П. А. Белов писал Ханжину: «Главной причиной упадка духа моих частей, по общему мнению командиров, является то, что уже давно они не снабжаются патронами. Сейчас осталось в частях по тридцать–сорок патронов на винтовку и в моём запасе на всю группу десять тысяч»⁵⁵. В марте 1919-го оборонявшим Уфу ижевцам было выдано лишь по две обоймы патронов⁵⁶.

Оставив осенью 1918 года Поволжье, белые лишились имевшихся там военных заводов и складов (Казань — пороховые и артиллерийские склады; Симбирск — два патронных завода; Иващенково — завод взрывчатых веществ, капсюльный завод, артиллерийские склады, запасы взрывчатых веществ на 2 миллиона снарядов; Самара — трубочный завод, пороховой завод, мастерские)⁵⁷. На Урале имелись военные заводы в Ижевске и Златоусте, но в Сибири оружейных заводов не было вовсе.

На вооружении белых находилось оружие самых разнообразных систем — винтовки системы Мосина, Бердана, Арисака, Гра, Ватерли, пулемёты Максима, Кольта, Гочкиса, Люиса⁵⁸. Винтовки иностранных систем были подчас распространены не меньше, чем русские. Подобная пестрота обусловила сложность обеспечения армии соответствующими боеприпасами.

Так, в Западной армии русских винтовок не было, а к имевшимся японским не имелось патронов⁵⁹.

Не лучше дело обстояло с пулемётами и орудиями. В Западной армии к 15 апреля имелось 229 пулемётов «максима», 137 — «кьюиса», 249 — «кольта», 52 — прочих систем, всего 667. В 44 батареях было 85 трёхдюймовок, два 42-линейных орудия, восемь — 48-линейных, семь — прочих систем и один бомбомёт⁶⁰. В Отдельной Оренбургской армии не хватало орудий и пулемётов. Во всех армиях чувствовалась нехватка средств связи, автомобилей, бронетехники. Из-за плохой связи, к примеру, фактически сорвалось координированное наступление белых корпусов на Оренбург в начале мая. По данным на 28 мая, в Орск (штаб расформировывавшейся Отдельной Оренбургской армии) из Уфы (штаб Западной армии) не могло пройти до 300 военных телеграмм⁶¹. Причины были не только в несовершенстве и недостатке техники, но и в частых диверсиях при невозможности навести порядок в тылу.

Армии не хватало бензина. Лётчикам Западной армии в разгар весеннего наступления 1919 года предписывалось «имеющееся [в] авиаотрядах незначительное количество бензина... сохранить для авиаработы при форсировании Волги»⁶².

А чего стоит внешний вид простого колчаковского солдата! Некоторые из немногочисленных фотоснимков изображают ужасающую картину. Ещё страшнее то, что известно по документам. В частях Северной группы Сибирской армии «люди босы и голы, ходят в армяках и лаптях... Конные разведчики, как скифы XX века, ездят без сёдел»⁶³. В 5-м Сызранском стрелковом полку Южной группы Западной армии «обувь у большинства разваливалась, шли по колено в грязи»⁶⁴. Во 2-й Уфимский армейский корпус Западной армии пополнения прибывали без обмундирования прямо от воинских начальников и посылались в бой⁶⁵. Оренбургские казаки вместо шинелей носили китайские ватные куртки, из которых при потеплении многие бойцы повывёргивали вату⁶⁶, а после неожиданного наступления холодов стали мёрзнуть и заболеть. «Надо было видеть своими глазами, чтобы поверить, во что была одета армия... Большинство в рваных полушубках, иногда одетых прямо чуть ли не на голое тело; на ногах дырявые валенки, которые при весенней распутице и грязи были только лишней обувью... Полное отсутствие белья»⁶⁷.

В мае прибывший на передовую Колчак «выразил желание видеть части 6-го Уральского корпуса... ему были показаны выводимые в тыл части 12 Уральской дивизии. Вид их был ужасный. Часть без

обуви, часть в верхней одежде на голое тело, большая часть без шинелей. Прошли отлично церемониальным маршем. Верховный правитель был страшно расстроен видом...»⁶⁸.

Эта картина не вяжется с данными о многомиллионных поставках союзников Колчаку, в том числе о двух миллионах пар обуви и полном обмундировании на 360 тысяч человек⁶⁹, не говоря уже о сотнях тысяч снарядов, винтовок, сотнях миллионов патронов, тысячах пулемётов. Если всё это и было поставлено во Владивосток, то до фронта так и не дошло.

Колчаковцы. Лето 1919 г.

Голод, усталость от непрерывных маршей и боёв, отсутствие нормальной одежды создавали благодатную почву для большевистской агитации, а чаще помимо неё приводили к волнениям в войсках, убийствам офицеров, переходам на сторону противника. Мобилизованные крестьяне воевали неохотно, быстро разбегались, переходили к противнику, унося с собой оружие и открывая огонь по своим недавним товарищам. Имели место случаи массовой сдачи в плен.

Наибольшую известность получил бунт в 1-м Украинском курене имени Тараса Шевченко 1–2 мая, в ходе которого было убито около 60 офицеров, а на сторону красных перешло до 3000 вооружённых солдат при 11 пулемётах и 2 орудиях⁷⁰. Позднее на сторону противника перешли 11-й Сенгилеевский полк, 3-й батальон 49-го Казанского полка и другие части⁷¹. Похожие, но меньшие по масштабам случаи имели место в Южной группе За-

падной армии, Сибирской и Отдельной Оренбургской армиях. В июне 1919 года к красным, перебив офицеров, перешли два батальона 21-го Челябинского горных стрелков полка, а в конце месяца под Пермью без боя сдались 3-й Добрянский и 4-й Соликамский полки⁷². В общей сложности в ходе контрнаступления, до окончания Уфимской операции, красными было взято в плен около 25 500 человек⁷³.

При неспособности командования создать войскам элементарные условия результат колчаковского наступления неудивителен. Начальник 12-й Уральской

стрелковой дивизии Генштаба генерал-майор Р. К. Бангерский доносил командующему корпусом Сукину 2 мая: «Тыла у нас никогда не было. Со времени Уфы (речь идёт о взятии города 13 марта. — А. Г.) мы хлеба не получаем, а питаемся чем попало. Дивизия сейчас небоеспособна. Нужно дать людям хотя бы две ночи поспать и придти в себя, иначе будет большой крах»⁷⁴. При этом Бангерский отмечал, что не видел в старой армии такого героизма, какой был проявлен белыми во время Уфимской и Стерлитамакской операций, но всему есть предел. «Хотелось бы так знать, во имя каких высших соображений пожертвовано 12 дивизией?»⁷⁵ — вопрошал генерал-майор.

Но пожертвовано было не только дивизией Бангерского, а всей колчаковской армией. Оренбургские казаки в составе Западной армии не имели фуража, лошади страдали от бескормицы, постоянных переходов и еле передвигались шагом⁷⁶. Такое плачевное состояние конского состава лишало его важного

Колчаковцы перед баней.

преимущества — быстроты и внезапности. Белая конница, по свидетельству участника боёв, не шла ни в какое сравнение с красной, лошади которой были в отличном состоянии и вследствие этого обладали высокой подвижностью.

Командующий 6-м Уральским армейским корпусом Сукин 3 мая писал Ханжину: «Беспрерывные марши по невероятно трудным дорогам, без днёвок и ежедневные бои последних двух недель без отдыха, без обозов, голод, отсутствие обмундирования (много людей буквально босых... без шинелей) — вот причины, которые окончательно могут погубить молодые кадры дивизий, люди шатаются от усталости и от бессонных ночей и боевая упругость их окончательно надломлена. Прошу отвести дивизии в резерв

для приведения их в порядок»⁷⁷. Именно генерал Сукин, доведённый до отчаяния сложившейся ситуацией, не постеснялся выставить перед прибывшим в Уфу вскоре после её взятия Колчаком босой почётный караул⁷⁸. Сукин же в отчаянии писал: «Нет даже хлеба»⁷⁹. Пепеляев отмечал, что «район военных действий выведен дотла, тыл богат бесконечно, но транспорт таков, что с ним, в его настоящем положении, воевать нельзя»⁸⁰.

По мнению генерала Бангерского, «взятие Уфы давало возможность образовать прочный тыл, пополнить войска мобилизованными, снабдиться обозом и

Парикмахер за работой.

вот теперь в начале мая начать наступление крупными силами, подтянув корпус... Каппеля и сформировав ещё новые войска»⁸¹. Но этого сделано не было...

НОЖ В СПИНУ СИБИРСКОЙ АРМИИ

Венцом чудовищного состояния колчаковской военной машины был тыл, который белыми контролировался очень слабо. Капитан Г. Думбадзе, направленный по окончании ускоренного курса Академии Генерального штаба в Красноярск — один из крупных центров Сибири, вспоминал: «Прибыв в Красноярск, я впервые увидел огненное пламя партизанщины, охватившее всю губернию. Хождение по улицам Красноярска было сопряжено с большим риском. Банды красных и отдельные большевики под видом правительственных военнослужащих убивали офицеров, пользуясь покровом ночи. Никто не был уверен, кем он остановлен для проверки документов: настоящим законным патрулём или маскированными красными террористами. Поджигание складов и магазинов, перерезывание телефонных проводов и многие другие виды саботажа происходили буквально каждые сутки. Свет в домах не зажигался или окна завешивались тёмной материей, иначе ручная граната бросалась на свет в квартиры. Я помню, как мне приходилось ходить по улицам ночью, держа в кармане заряженный браунинг. Всё это было буквально в сердце Белой Сибири»⁸². Вся Енисейская губерния и часть Иркутской были охвачены партизанским движением, приковавшим к себе значительные силы белых. В мае 1919 года партизаны систематически и ежедневно разбирали пути (иногда на значительном расстоянии), что приводило к длительным срывам движения поездов на Транссибе (например, в ночь на 8 мая в результате диверсии железнодорожное сообщение было прервано на две недели), сжигали мосты, обстреливали поезда, перерезали телеграфные провода, терроризировали железнодорожников. На каждые 10 дней к началу июня приходилось 11 крушений, восточнее Красноярска в итоге скопилось более 140 составов с боеприпасами и снабжением, которые были бы совсем не лишними на фронте»⁸³.

Думбадзе писал: «Нет точной мерки для определения страшного морального, политического и материального ущерба, причинённого нам партизанами. Я всегда буду при своём мнении, что дела в Енисейской губернии были ножом в спину Сибирской армии. Советский генерал Огородников... говорит, что белые проиграли в Сибири

без всяких стратегических поражений от Красной армии⁸⁴, а причина их гибели была в беспорядках в тылу. Имея опыт на этом вооружённом тылу, я не могу не согласиться с тем, что говорит Огородников⁸⁵. Восстаниями были охвачены уезды Тургайской и Акмолинской областей, Алтайской и Томской губерний. На их подавлениях использовались тысячи солдат, которые при иных обстоятельствах могли быть направлены на фронт. Кроме того, само по себе участие десятков тысяч боеспособных мужчин в партизанском движении наглядно свидетельствовало о провале колчаковской мобилизации в Сибири. Добавим, что из-за атаманщины фронт не получил пополнений с Дальнего Востока, которые, возможно, могли бы переломить ситуацию.

ИТОГИ

Анализ внутреннего состояния колчаковских армий наглядно показывает полную невозможность успешной реализации планов белого командования. Красные, успешно запустившие маховик массовой мобилизации, обладали почти постоянным превосходством в силах и средствах. В течение 1919 года средний ежемесячный прирост численности РККА составил 183 тысячи человек⁸⁶, что превосходило общую численность войск, имевшихся у белых на Восточном фронте. К 1 апреля, когда белые ещё надеялись на успех, в Красной армии уже числилось полтора миллиона бойцов, и их численность постоянно возрастала. Численность войск всех противников красных, вместе взятых, не шла ни в какое сравнение с этой цифрой. При этом имевшееся у белых до создания массовой РККА преимущество в качестве личного состава было быстро утрачено. Численность войск красных, а во многих случаях и их качество стремительно возрастали; качество войск белых при относительно мало изменившейся численности постоянно падало.

Кроме того, центральное положение красных позволило им не только воспользоваться запасами старой армии и ресурсами промышленного центра, но и действовать по внутренним операционным линиям, громя противника поочерёдно. Белые же, наоборот, действовали разрозненно, попытки координации их действий оказывались запоздалыми. Из-за обширности театра войны они не смогли воспользоваться имевшимися у них преимуществами, например, наличием подготовленной казачьей конницы. Сказались и ошибки некоторых колчаковских генералов, сделавших в период Гражданской войны головокружительную карьеру, но не успевших приобрести

Зарядка.

необходимый опыт. Мобилизационный ресурс подконтрольных белым областей не был в полной мере использован, огромная масса крестьян присоединилась к повстанцам в белом тылу или просто уклонялась от мобилизации. Подготовленных резервов не было. Армия не имела оборудованной тыловой базы и военной промышленности, снабжение было нерегулярным. Следствием стала постоянная нехватка в войсках оружия и боеприпасов, средств связи и техники.

Белые не смогли что-либо противопоставить и мощнейшей большевистской агитации в своих войсках. Рядовая масса об-

ладала достаточно низким уровнем политической сознательности, была утомлена многолетней войной. В колчаковском лагере не было единства из-за острых внутренних противоречий, причём не только по политическим вопросам между монархистами, кадетами и эсерами. На окраинах, контролировавшихся белыми, остро стоял национальный вопрос. Исторически существовали непростые отношения казачьего и неказачьего населения, русского населения с башкирским и казахским. Белое руководство проводило достаточно мягкий политический курс, а суровые меры часто не могли быть осуществлены из-за отсутствия механизмов реализации приказов на местах и контроля их исполнения. Несмотря на жестокий красный террор, гонения на церковь, озлоблявшую

Чистка оружейного ствола.

крестьян земельную политику, белые так и не смогли стать той силой, которая принесла бы порядок и стала привлекательной для широких масс. С окончанием Первой мировой войны большевики утратили облик предателей, который за ними закрепился после Брестского мира. Белые же, наоборот, оказались теперь в роли пособников интервентов.

Вожди Белого движения, в отличие от их противника, не поняли всей сложности стоявшей перед ними задачи, не осознали необходимости самых жёстких мер для достижения победы. Сколько бы ни говорили о белом терроре, очевидно, что белые вожди — люди, порождённые старым режимом, — не могли представить себе тот масштаб насилия, который был необходим в 1917–1922 годах для успешной реализации их планов. Такое представление имелося у

Зенитчик.

закалённых годами нелегальной борьбы большевиков. Впрочем, их методы воздействия не сводились к одному лишь террору, составляя жестокую, но при этом эффективную систему управления.

Большевицкие лидеры сумели постичь принципы ведения войны в новых условиях, соединив войну и политику, о чём писал ещё Клаузевиц и что не удалось белым. Именно создание массовой Красной армии под управлением квалифицированных офицеров старой армии, контролировавшихся комиссарами, а также выдвижение понятных и привлекательных для большинства лозунгов принесло большевикам победу. У белых были свои преимущества, но эффективно воспользоваться ими они не смогли. В итоге красная организация победила белую импровизацию.

Примечания

1. ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.
2. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 27. Л. 84.
3. ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.
4. Там же. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 89.
5. Там же. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 3 об.
6. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 752.
7. Там же. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11 об.—12.
8. Боевые расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. Публ. А. А. Каревского и Р. Г. Гагкуева // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Исторический альманах. 2001. № 5. С. 148.
9. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 13. Л. 68–69.
10. «Россия погибнет в волнах новой анархии». Публ. Н. Д. Егорова и Н. В. Пульченко // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 80.
11. См., например: Петров П. П. От Волги до Тихого Океана в рядах большевиков (1918–1922 гг.). Рига. 1930. С. 75–76.
12. ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78 об.; Петров П. П. Указ. соч. С. 76.
13. Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 14. Берлин. 1924. С. 235.
14. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 28. Л. 10. См. также: Плотников И. Ф. Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А. В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль–май 1919 г.) // Урал в событиях 1917–1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск. 1999. С. 79–83.
16. Волков Е. В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург. 1999. С. 128.
17. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М. 2007. С. 393.
18. Молчанов В. Борьба на востоке России и в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М. 2004. С. 423.
19. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 746.
20. ГА РФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 47. Л. 1 об.—2.
21. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Под ред. В. Д. Вегмана. Новоиколаевск. 1925. С. 60; Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 14. Берлин. 1924. С. 241; Головин Н. Н. Российская

- контрреволюция. Ч. 4. Кн. 8. Б. м. 1937. С. 114.
22. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 820.
23. Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж. 1985. С. 53–54.
24. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 11. Л. 31–31 об.
25. ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 66 об.
26. Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. Берлин. 1924. С. 256–257.
27. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11 об.—12.
28. Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М. 1966. С. 148.
29. РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 57. Л. 59.
30. Сулавко А. В. Этюды по тактике в Гражданской войне. Никольск-Уссурийский. 1921. С. 19.
31. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 30.
32. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 66.
33. Гражданская война в Оренбуржье 1917–1919 гг. Документы и материалы. Оренбург. 1958. С. 308.
34. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 53.
35. Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография. Т. 1. Екатеринбург. 2007. С. 149–150. В дальнейшем ситуация с дисциплиной ижевцев и воткинцев лучше не становилась — подробнее см.: Почему проиграли белые?! Воззвание офицеров и солдат ижевцев и воткинцев о самовольном оставлении ими рядов армии 1919 г. Публ. А. В. Ганина // Белое дело. М. 2005. С. 239–242.
36. Константинов С. И. Вооружённые формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург. 1997. С. 165.
37. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 817.
38. «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 82.
39. Сиротинский С. А. Путь Арсения. М. 1959. С. 140.
40. Подробнее см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакин. М. 2004. С. 73–75.
41. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 109 об.

42. Там же. Д. 27. Л. 81.
43. ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 98.
44. Петров П. П. Указ. соч. С. 80–81.
45. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 126.
46. «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 81.
47. ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 71 об.
48. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 68.
49. Там же. Л. 109 об.
50. Там же. Л. 184.
51. Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 14. Берлин. 1924. С. 228–229.
52. Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака. М. 1960. С. 218.
53. Smele J. Civil war in Siberia: the anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge. 1996. P. 320.
54. Симонов Д. Г. К истории Сводного Сибирского Ударного корпуса армии адмирала А. В. Колчака (1919 г.) // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово. 2007. С. 55–57.
55. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 68.
56. Ефимов А. [Г.] Ижевцы и Воткинцы // Восточный фронт адмирала Колчака. М. 2004. С. 436.
57. РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 70. Л. 156–158 об.
58. См., например: ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–4 об.; Оп. 2. Д. 75. Л. 8. 9 об., 12.
59. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 188.
60. Там же. Д. 87. Л. 11 об.—12.
61. Там же. Д. 186. Л. 460.
62. Там же. Д. 11. Л. 21.
63. «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 81.
64. По устным воспоминаниям участника боёв А. Ф. Гергенредера — Письмо И. А. Гергенредера автору от 13.01.2004.
65. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 53.
66. Там же. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 25.
67. Сахаров К. В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен. 1923. С. 74.
68. Петров П. П. Указ. соч. С. 88.
69. Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. М. 1957. С. 89–91. См. также несколько отличные данные по британским поставкам: Peretira N. G. O. White Siberia. The Politics of Civil War. London; Buffalo. 1996. P. 105.
70. Плотников И. Ф. Гражданская война

- на Урале... Т. 2. Екатеринбург. 2007. С. 144.
71. Шушпанов С. Г. Забытая дивизия // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 1997. № 4. С. 44.
72. Филимонов Б. Б. Белая армия адмирала Колчака. М. 1997. С. 39; Филатьев Д. В. Указ. соч. С. 79; Лобанов Д. А. Пермская стрелковая дивизия армии адмирала Колчака. 1918–1919 гг. // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Альманах. 2001. № 5. С. 91.
73. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб. 2002. С. 238.
74. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 62 об.
75. Там же. Л. 64 об.
76. Воротовов М. Ф. 2 Оренбургский казачий полк в 1918–1920 (Записки полковника Воротовова) // Hoover Institution Archives. Colonel Vorotovov Collection. Folder VW Russia V954. L. 17.
77. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 58–58 об.
78. ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 62; Сахаров К. В. Указ. соч. С. 78. Генерал Будберг писал, что караул был без шансов, однако это представляется менее вероятным — см.: Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 15. Берлин. 1924. С. 341.
79. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 109 об.
80. «Россия погибнет в волнах новой анархии». С. 82.
81. РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 65.
82. Думбадзе Г. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну. Публ. А. И. Дерябина // Белая гвардия. 1997. № 1. С. 43.
83. Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. С. 229; Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. 2005. С. 163.
84. Речь идёт о кн.: Огородников Ф. Удар по Колчаку весной 1919 г. М. 1938. С. 85. Думбадзе Г. Указ. соч. С. 45.
86. Подсчитано по: Мовчин Н. Комплектование красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: В 3 т., Под общ. ред. А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдмана. Т. 2. Военное искусство Красной армии. М. 1928. С. 87.